

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

**«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(РГГУ)**

На правах рукописи

Жулев Владислав Викторович

**РЕЦЕПЦИЯ «ПОЛИТИКИ» АРИСТОТЕЛЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ
СОЧИНЕНИЯХ СХОЛАСТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII – ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XIV ВЕКА**

Специальность 5.7.2 – история философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Круглов Алексей Николаевич

Москва – 2025

Диссертация выполнена на кафедре истории зарубежной философии философского факультета федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет».

Научный руководитель:

КРУГЛОВ Алексей Николаевич,
доктор философских наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет», заведующий
кафедрой истории зарубежной философии

Официальные оппоненты:

ФЕДЧУК Дмитрий Аркадьевич,
доктор философских наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Российский государственный
педагогический университет имени А.И.
Герцена», профессор кафедры
философской антропологии и истории
философии Института философии
человека

ВОЛКОВА Надежда Павловна,
кандидат философских наук,
ФГБУН Институт философии РАН,
старший научный сотрудник, руководитель
сектора античной философии

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова».

Защита состоится 2 октября 2025 г., в « ____ » часов на заседании диссертационного совета 24.2.366.02 по философским наукам в Российском государственном гуманитарном университете по адресу: 125047, г. Москва, площадь Миусская, д. 6, стр. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библиотеки Российского государственного гуманитарного университета.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2025 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,

Кандидат философских наук

И. С. Курилович

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Несмотря на ряд предпринятых исследований, рецепция «Политики» Аристотеля в политических сочинениях схоластов второй половины XIII – первой половины XIV века по-прежнему остается недостаточно изученной темой. Остаются непроясненными следующие вопросы: что действительно из «Политики» было заимствовано и как было использовано, т.е. каковы границы аристотелевской рецепции? Каким образом аристотелевские концепты были интегрированы в рамки уже существующей средневековой политической теории, которая, очевидно, принципиально отличалась от античной традиции? И, наконец, какова реальная степень влияния «Политики»? Эти вопросы требуют специального изучения, а их решение позволит точно определить место «Политики» в рамках интеллектуальной истории, что, несомненно, способствует лучшему пониманию истоков существующей политической мысли.

Исследование рецепции «Политики» Аристотеля в схоластике XIII – XIV вв. имеет не только сугубо научное историко-философское значение, поскольку помогает понять развитие зрелой схоластики и процесс рецепции в ней античного наследия, но имеет и актуальное звучание для современных политических споров в силу того, что ставит вопрос об истоках становления политической философии раннего Нового времени и выбранных тогда линиях развития, которые ощущаются и воздействуют до сегодняшнего дня.

Аристотель и его влияние на европейскую мысль, независимо от выбранного исторического периода – будь это поздняя Античность или Современность – неизменно вызывает интерес каждого нового поколения исследователей. Тема настоящей работы не является исключением, поскольку отражает существующую научную традицию, фокусируясь на «Политике». Среди аристотелевского корпуса «Политика» занимает особое место, поскольку ее влияние на политическую теорию, как принято считать, трудно переоценить. Если мы обратимся, например, к исследованиям

республиканской теории, то обнаружим, что несмотря на все существенные разногласия, авторы сходятся в оценке Аристотеля как крупного теоретика республиканизма. Это наглядно демонстрирует полемика между влиятельным современным новозеландским историографом и философом Дж. Пококом и американским историком П. Э. Рахе. В своей монографии «Момент Макиавелли» Дж. Покок отстаивал тезис, что республиканизм покоится на идеях греческих авторов, среди которых Аристотель занимает первое место¹. В Средневековье под влиянием христианства эти идеи были забыты, чтобы вновь возродиться в эпоху Ренессанса на итальянской земле, откуда они распространятся до Англии, а затем пересекут Атлантику, став основанием политической системы США. П. Э. Рахе отвергает саму идею существования преемственности между классическим и современным видами республиканизма, однако признает ключевую роль политической философии Аристотеля для первого вида².

Если мы абстрагируемся от дискуссий об истории развития республиканизма и обратимся к исследователям политической теории, то обнаружим все тот же тезис о принципиальной важности «Политики» Аристотеля. Наиболее ярко эту мысль выразил один из лидеров Кембриджской школы истории понятий К. Скиннер в заключении своей фундаментальной монографии «Истоки современной политической мысли»: «...любая попытка отыскать в прошлом основания современной политической мысли должна начинаться с “Политики” Аристотеля...»³. Таким образом мы вновь приходим к констатации особой важности аристотелевской «Политики» для истории политической теории. Однако вместе с этим утверждением вышеупомянутые исследователи рассматривают «Политику» в отрыве от ее восприятия и интерпретации в схоластике XIII–

---

¹ Покок Дж. Г. А. Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция / пер. с англ. Т. Пирусской. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 888 с.

² Rahe P. A. Republics Ancient and Modern: Classical Republicanism and the American Revolution. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1992. 1200 p.

³ Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 2: Эпоха Реформации / пер. с англ. А. А. Яковлева; под науч. ред. В. В. Софронова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 520.

XIV веков. В рамках концепции Дж. Покока средневековая политическая теория, по большей части, оказывается лишенной самостоятельной ценности, что позволяет ему сразу перейти к поворотному моменту, произошедшему в творчестве Н. Макиавелли. К. Скиннер, напротив, уделяет внимание политическим теоретикам позднего Средневековья, но лишь для того, чтобы показать некоторую преемственность идей, полностью раскрывшихся лишь в эпоху Ренессанса.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что постоянное подчеркивание важности «Политики» само по себе является не столько паролем, открывающим доступ к пониманию политической теории, развивавшейся после Аристотеля, сколько проблемой. Несомненно, что этот текст вызывал неподдельный интерес у авторов первой половины XIII века, однако их внимание к этому тексту и наше представляют собой явления разного порядка, что снова приводит к трудности. Появившийся в конце 1260-х годов первый полный перевод «Политики», подготовленный доминиканцем Вильгельмом из Мербеке, за короткое время получил комментарий Альберта Великого, а затем Фомы Аквинского, обрывающийся на середине III книги. Пётр Овернский завершил комментарий Аквината, а также предположительно в 1270-х годах написал «*Quaestiones super libros Politicorum*» («Вопросы к книгам Политики»)⁴. Второй «*quaestio*» был написан Миланским анонимом уже в самом конце XIII века. Вместе с этим ссылки на «Политику» становятся частым явлением. Фома Аквинский цитирует ее в «Сумме теологии» («*Summa theologiae*»), а также I и II книгах незавершенного им трактата «О королевской власти к королю Кипра» («*De regno ad regem Cypri*»). Птолемей Луккский, продолживший зеркало князя Ангельского доктора, также активно использовал «Политику». В этом плане его превзошел только его современник Эгидий Римский, создавший «О правлении князей» («*De regimine principum*»).

---

⁴ См.: *Canning J. A history of medieval political thought, 300–1450. London: Routledge, 1996. P. 128.*

Для целого поколения медиевистов, начиная с немецкого историка философии М. Грабманна, широко распространившееся цитирование «Политики» стало несомненным свидетельством господства аристотелизма в политической философии позднего Средневековья, что подтолкнуло исследователей к утверждению интеллектуальной революции, вызванной переводом «Политики». Однако последние исследования опровергли это представление вновь показав, что рецепция аристотелевской «Политики» остается актуальной проблемой.

Степень разработанности темы исследования. Рецепция аристотелевской «Политики» в рамках средневековой политической философии уже давно стала предметом научных изысканий. Эта тема была затронута одним из первых крупных исследователей средневековой политической теории О. Гирке, который всегда подчеркивал, что аристотелизм был лишь одним из элементов, повлиявших на развитие политической мысли позднего Средневековья⁵. Работу О. Гирке, среди прочих, продолжил Р. Шольц, затронувший проблему влияния «Политики» в рамках исследования сочинений авторов, принимавших активное участие в борьбе между Бонифацием VIII и Филиппом IV⁶. М. Грабманн, как один из крупнейших и выдающихся авторов, изучавших аристотелевскую рецепцию в Средневековье, также уделил внимание этой теме в своих трудах⁷. Первой работой, где рецепция «Политики» стала центральной темой, стала диссертация Э. Кранца, опубликованная в 1938 году⁸.

---

⁵ *Gierke O.* Political Theories of the Middle Age / trans. with an introduction by F. W. Maitland. Cambridge: Cambridge University Press, 1913. 197 p.

⁶ *Scholz R.* Die Publizistik zur Zeit Philipps des Schönen und Bonifaz VIII. Ein Beitrag zur Geschichte der politischen Anschauungen des Mittelalters. Stuttgart: Verlag von Ferdinand Enke, 1903. 528 S.

⁷ *Grabmann M.* Forschungen über die lateinischen Aristotelesübersetzungen des XIII. Jahrhunderts // Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters Bd. 17. Heft 5/6. Münster: Verlag der Aschendorffschen Buchhandlung, 1916. 270 S.; *Grabmann M.* Studien über den Einfluß der aristotelischen Philosophie auf die mittelalterlichen Theorien über das Verhältnis von Kirche und Staat. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1934. 161 S.; *Grabmann M.* Die mittelalterlichen Kommentare zur Politik des Aristoteles. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1941. 83 S.

⁸ *Cranz F. E.* Aristotelianism in mediaeval political theory. A study of the reception of the politics. Cambridge: Harvard University press, 1938. 810 p.

Одним из поворотных моментов в исследованиях аристотелевской рецепции стало появление парадигмы В. Ульманна. Он разделил развитие политической мысли от раннего Средневековья и до конца Ренессанса на две теории: «нисходящую» и «восходящую». «Нисходящая теория», господствовавшая практически на протяжении всего Средневековья, полагает трансцендентное происхождение власти, которая затем нисходит до имманентного мира, находясь в руках светских и духовных правителей. Вторая теория утверждает, что народ является источником власти. Своими корнями она уходит в Античность и появляется вновь в XIII веке, став доминирующей до настоящего момента⁹. Причиной концептуальной революции, прочертивший границу между Средневековьем и Современностью¹⁰, послужил перевод «Политики», предоставивший политическую теорию столь высокого уровня, что это потребовало радикального обновления уже существующей социально-политической мысли¹¹.

Поскольку В. Ульманн пользовался широким признанием и имел огромный авторитет особенно среди англоязычных исследователей, то его модель была воспринята многими как рабочая гипотеза. Тем не менее постепенно начинает нарастать критическое отношение к этой модели из-за появления исследований, доказывавших, что часть политических идей Аристотеля были известны еще до перевода «Политики». Особую роль сыграли работы К. Недермана, демонстрирующие, что представления, согласно которым человек – это общественное существо, а государство имеет основание в природе, были усвоены средневековыми авторами благодаря трудам Цицерона, Сенеки, Макробия, Немесия Эмесского¹². Следующий

---

⁹ *Ullmann W.* A history of political thought: The Middle Ages. Ed. 1 and 2. Harmondsworth: Penguin Books, 1965, 1970. P. 13.

¹⁰ *Ibid.* P. 159.

¹¹ *Ullmann W.* Principles of Government and Politics in the Middle Ages. London: Methuen & Co, 1961. P. 231.

¹² *Nederman C. J.* Aristotle as Authority: Alternative Aristotelian Sources of Late Medieval Political Theory // *History of European Ideas*, Vol. 8, № 1. Abingdon, 1987. P. 31–44; *Nederman C. J.* Aristotelianism and the Origins of Political Science' in the Twelfth Century, in: *Journal of the History of Ideas*, Vol. 52, № 2. Philadelphia, 1991. P. 179–194; *Nederman C. J.* The Meaning of Aristotelianism' in *Medieval Moral and Political Thought // Journal of*

серьезный удар по модели В. Ульманна был нанесен Дж. Блайтом, показавшим в своих работах, что аристотелевская идея, будто правление большинства является наиболее оптимальным, была воспринята лишь малой частью средневековых авторов¹³. Значимый вклад в опровержение идей В. Ульманна внесли работы Дж. Фиораванти, Д. Ласкомба, Р. Ламбертини и Ю. Митке¹⁴.

Следует заметить, что если абсолютное большинство исследователей на сегодняшний день отвергают модель В. Ульманна, то в отношении аристотелевского влияния научное сообщество так и не пришло к консенсусу. Немецкий медиевист Т. Струве доказывал, что именно рецепция «Политики» вызвала смену парадигмы в понимании истоков государства, оттеснив на задний план августиновскую концепцию¹⁵. Ю. Митке, рассматривая Фома Аквинского, Эгидия Римского и Марсилия Падуанского, приходит к похожему выводу, однако подчеркивает, что взгляд средневековых авторов во многом определялся целью их работы и самой эпохой, что неизбежно вело к искажению аристотелевской мысли¹⁶. Как уже упоминалось выше, К. Недерман оспаривал, что только перевод «Политики» привел к парадигмальному сдвигу в теории государства. Он же в совместной работе с М. Салливан попытался опровергнуть позицию Дж. Блайта, который доказывал, что влияние аристотелевской «Политики» было определяющим

---

the History of Ideas, Vol. 57, № 4. Philadelphia, 1996. P. 563–585; *Nederman C. J.* Medieval Aristotelianism and its Limits. Classical Traditions in Moral and Political Philosophy, 12th–15th Centuries. Aldershot: Eng., and Brookfield, Vt.: Variorum, 1997. 334 p.

¹³ *Blythe J.* Ideal Government and the Mixed Constitution in the Middle Ages. New Jersey: Princeton University Press, 2014. 343 p.

¹⁴ *Fioravanti G.* La Politica aristotelica nel medioevo: Linee di una ricezione // *Rivista di storia della filosofia*. Nuova Serie, Vol. 52, № 1. Milan, 1997. P. 17–29; *Luscombe D.* Hierarchy in the late Middle Ages: criticism and change // *Political Thought and the Realities of Power in the Middle Ages* / ed. by J. Canning and O. G. Oexle. Göttingen, 1998. P. 113–126; *Lambertini R.* Lo studio e la recezione della Politica' tra XIII e XIV secolo // *Il pensiero politico dell'età antica e medievale: dalla polis alla formazione degli stati europei* / ed. C. Dolcini. Torino, 2000. P. 145–173; *Miethke J.* De potestate papae: die päpstliche Amtskompetenz im Widerstreit der politischen Theorie von Thomas von Aquin bis Wilhelm von Ockham. Tübingen: Mohr Siebeck, 2000. 347 S.

¹⁵ *Struve T.* Die Bedeutung der aristotelischen «Politik» für die natürliche Begründung der staatlichen Gemeinschaft // *Das Publikum politischer Theorie im 14. Jahrhundert* / Hrsg. von J. Miethke unter Mitarb. von A. Bühler. München, 1992. S. 153–172.

¹⁶ *Miethke J.* Spätmittelalter: Thomas von Aquin, Aegidius Romanus, Marsilius von Padua // *Politischer Aristotelismus Die Rezeption der aristotelischen Politik von der Antike bis zum 19. Jahrhundert* / hrsg. von Chr. Horn, A. Neschke-Hentschke. Stuttgart: J. B. Metzler, 2008. S. 77–111.

для позиции Птолемея Луккского¹⁷, противопоставив Аристотелю влияние римского наследия¹⁸.

Другим ярким примером споров среди исследователей, связанных с рецепцией «Политики», может послужить политическая философия Марсилия Падуанского. На протяжении долгого времени среди исследователей господствовала оценка падуанца как верного последователя Аристотеля, а его сочинения воспринимались, как яркий пример политического аристотелизма¹⁹. Новое поколение исследователей начало развеивать тень аристотелевской «Политики», показывая другие значимые источники мысли Марсилия²⁰.

Несмотря на существующие споры среди исследователей рецепции «Политики», была проделана огромная работа, сделавшая возможным новый взгляд на политическое наследие Аристотеля в Средневековье. К. Флюэлер подробно исследовал рецепцию «Политики» сначала в рамках средневековых комментариев²¹, затем на факультете искусств Парижского университета²², а после расширил свои изыскания до уровня всей политической мысли позднего Средневековья. Итогом его трудов стал выход двухтомной монографии²³. Р. Ламбертини убедительно продемонстрировал, что «Политика» не имела тотального господства в политической теории XIII–XV

---

¹⁷ *Blythe J.* Aristotle's Politics and Ptolemy of Lucca // *Vivarium*, Vol. XL, № 1. Leiden, 2002. P. 103–136.

¹⁸ *Nederman C. J. Sullivan M. E.* Reading Aristotle through Rome // *European Journal of Political Theory*, Vol. 7, № 2. London, 2008. P. 223–240.

¹⁹ *Sullivan J.* Marsiglio of Padua and William of Ockham, I // *The American Historical Review*, Vol. 2. New York, 1897. P. 425; *Previté-Orton C. W.* Marsiglio of Padua: Part II. Doctrines // *The English Historical Review*, Vol. 38, № 149. Oxford, 1923. P. 7–8, 16; *Sabine G. H.* A History of Political Thought, 3rd ed. New York: George G. Harrap & Co Ltd, 1961. P. 291.

²⁰ *Joanna V.* Scott Influence or Manipulation? The Role of Augustinianism in the Defensor Pacis of Marsiglio of Padua // *Augustinian Studies*, Vol. 9. Charlottesville, 1978. P. 59–79; *Nederman C. J.* Nature, Justice, and Duty in the Defensor Pacis: Marsiglio of Padua's Ciceronian Impulse // *Political Theory*, Vol. 18, № 4. London, 1990. P. 615–637; *Syros V.* Marsilius of Padua at the Intersection of Ancient and Medieval Traditions of Political Thought. Toronto: University of Toronto Press, 2012. 305 p.

²¹ *Flüeler Chr.* Mittelalterliche Kommentare zur Politik des Aristoteles und zur Pseudo-Aristotelischen Oekonomik // *Bulletin de philosophie médiévale*, Vol. 29. Turnhout, 1987. P. 193–229.

²² *Flüeler Chr.* Die Rezeption der "Politica" des Aristoteles an der Pariser Artistenfakultät im 13. und 14. Jahrhundert // *Das Publikum politischer Theorie im 14. Jahrhundert* / Hrsg. von J. Miethke unter Mitarb. von A. Bühler. München, 1992. S. 127–138.

²³ *Flüeler Chr.* Rezeption und Interpretation der Aristotelischen Politica im späten Mittelalter: Tl. 1 und 2. Amsterdam: B.R. Grüner Verlag, 1992.

вв.²⁴. Ю. Митке в своем исследовании папской власти в контексте позднесредневековых политических теорий отметил, что университеты с их факультетами, а, следовательно, и набором литературы, по-разному влияли на политическую философию²⁵.

Ф. Бертеллони, Д. Фиораванти и К. Недерман в своих работах осветили тему интеллектуального контекста, который, во-первых, определил необходимость перевода «Политики», а, во-вторых, встроил этот текст в уже существующие структуры²⁶.

Многочисленные исследования рецепции «Политики» показали, согласно меткому выражению К. Флюэлера, что богатство идей и подходов, содержащихся в «Политике» Аристотеля, невозможно втиснуть в прокрустово ложе одной модели, и тем более это невозможно сделать в отношении многогранного осмысления этого сочинения в позднем Средневековье²⁷. Это понимание привело к появлению новых вопросов в рамках исследования рецепции «Политики». Э. Блэк, К. Убль, К. Недерман и подняли проблему политического аристотелизма, постаравшись дать четкое определение этому феномену. Их ответы получились абсолютно разными, что еще раз свидетельствует о сложности темы и недостаточной степени ее разработанности. Э. Блэк придерживается довольно радикального взгляда: он отказался от эссенциалистского подхода и предложил рассматривать политический аристотелизм как определенный политический словарь, к которому прибегали средневековые авторы лишь как инструменту²⁸. К. Убль

---

²⁴ Lambertini R. Lo studio e la recezione della *Politica* tra XIII e XIV secolo // Il pensiero politico dell'età antica e medievale: dalla polis alla formazione degli stati europei / ed. C. Dolcini. Torino, 2000. P. 145–173.

²⁵ Miethke J. De potestate papae: die päpstliche Amtskompetenz im Widerstreit der politischen Theorie von Thomas von Aquin bis Wilhelm von Ockham. Tübingen, 2000. 347 S.

²⁶ Bertelloni F. Die thomasische onto-theologische Auffassung der Politik in ihrem historischen Zusammenhang. Zur Entstehung des politischen Denkens im ausgehenden Mittelalter // Freiburger Zeitschrift für Philosophie und Theologie, Bd. 35. Freiburg, 1988. S. 331–352; Bertelloni F. Politologische Ansichten bei den Artisten um 1230/1240. Zur Deutung des anonymen Pariser Studienplans Hs Ripoll 109 // Theologie und Philosophie, Bd. 69. Freiburg, 1994. S. 34–73; Fioravanti G. La *Politica* aristotelica nel medioevo: Linee di una ricezione // Rivista di storia della filosofia. Nuova Serie, Vol. 52, № 1. Milan, 1997. P. 17–29; Nederman C. J. Aristotle as Authority: Alternative Aristotelian Sources of Late Medieval Political Theory // History of European Ideas, Vol. 8, № 1. Abingdon, 1987. P. 31–44.

²⁷ Flüeler Chr. Politischer Aristotelismus im Mittelalter. Einleitung // Vivarium, Vol. XL, № 1. Leiden, 2002. S. 7.

²⁸ Black A. Political Thought in Europe, 1250–1450. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 211 p.

предложил понимать под политическим аристотелизмом два концепта, содержащихся в I книге «Политики»: понимание человека, как политического и общественного животного и четкое разделение семейной и политической сфер²⁹. К. Недерман предложил понимать политический аристотелизм через авторов, которые придерживались определенного подхода в этических и политических исследованиях³⁰. Этот подход напрямую связан с их разработками классификации наук в рамках аристотелевской схемы. Позиция К. Недермана позволяет включить в качестве приверженцев политического аристотелизма многих авторов, которые жили задолго до перевода «Политики». К. Хорн во введении к сборнику статей, объединенных общей проблематикой рецепции аристотелевской «Политики» от Античности до XIX в., выделил пятнадцать признаков политического аристотелизма³¹.

Следует также отметить вышедший в 2002 г. в двух номерах том XL журнала «Vivarium», посвященный проблеме рецепции «Политики» в позднем Средневековье. Этот номер отразил в себе дальнейшие усилия, направленные на определение аристотелевского влияния на средневековую политическую теорию и подходов средневековых авторов к этому тексту, а также использование аристотелевских концептов³². Р. Ламбертини представил исследование комментария к «Политике» францисканца Раймунда Аугерия³³. К. Недерман в своей статье рассмотрел влияние аристотелевского концепта гражданства на позднесредневековую политическую мысль³⁴. Дж. Блайт

---

²⁹ Ubl K. Engelbert von Admont. Ein Gelehrter im Spannungsfeld von Aristotelismus und christlicher Überlieferung. München: R. Oldenbourg Verlag, 2000. 260 S.

³⁰ Nederman C. J. The Meaning of Aristotelianism' in Medieval Moral and Political Thought // Journal of the History of Ideas, Vol. 57, № 4. Philadelphia, 1996. P. 563–585.

³¹ Horn Chr. Einleitung: Aristoteles und der politische Aristotelismus // Politischer Aristotelismus Die Rezeption der aristotelischen Politik von der Antike bis zum 19. Jahrhundert / hrsg. von Chr. Horn, A. Neschke-Hentschke. Stuttgart, 2008. S. 2.

³² Blythe J. Aristotle's Politics and Ptolemy of Lucca // Vivarium, Vol. XL, № 1. Leiden, 2002. P. 103–136.

³³ Lambertini R. Raimundus Acgerit's Commentary on Aristotle's Politics: Some Notes // Vivarium, Vol. XL, № 1. Leiden, 2002. P. 14–40.

³⁴ Nederman C. J. Mechanics and Citizens: The Reception of the Aristotelian Idea of Citizenship in Late Medieval Europe // Vivarium, Vol. XL, № 1. Leiden, 2002. P. 75–102.

попытался определить место «Политики» в политической философии Птолемея Луккского³⁵.

В рамках отечественной историко-философской науки рецепция «Политики» не удостоилась отдельного исследования, однако необходимо отметить те работы, которые в разной степени затрагивали эту тему. В первую очередь следует упомянуть монографию С. С. Неретиной, посвященной возникновению политической философии и публичной сферы во время Столетней войны³⁶. Влияние политической философии Аристотеля исследовала Т. Д. Стецюра в рамках своей монографии, посвященной экономическим идеям Фомы Аквинского³⁷. Следует выделить работы А. К. Гладкова, исследующие как конкретных мыслителей, так и отдельные аспекты политической теории позднего Средневековья³⁸. Стоит отметить также статью С. Е. Кондратенко, рассматривающую проблематику власти у Бонифация VIII и Эгидия Римского³⁹. Также влияние Аристотеля на Эгидия Римского рассматривал Н. К. Гаврюшин в своей монографии, посвященной фигуре августинца⁴⁰.

Таким образом этот небольшой очерк показывает, что рецепции аристотелевской «Политики» является одной из важных тем исследований, привлекающей к себе внимание крупнейших представителей зарубежной медиевистики. Однако это нельзя сказать об отечественной науке, которая нуждается в подобной работе.

---

³⁵ *Blythe J.* Aristotle's Politics and Ptolemy of Lucca // *Vivarium*, Vol. XL, № 1. Leiden, 2002. P. 103–136.

³⁶ *Неретина С. С.* Воскресенье политической философии и политического действия. Парижское восстание 1356 – 1358 гг. М.: Голос, 2012. 338 с.

³⁷ *Стецюра Т. Д.* Хозяйственная этика Фомы Аквинского. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 303 с.

³⁸ *Гладков А. К.* «Возвысившийся в знании, но падший в духе и лишившийся милости папы»: к вопросу о политической теории Уильяма Оккама // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки.* Вып. 4 (845). М., 2021. С. 143–156; *Гладков А. К.* Pontifex est dominus servorum...: церковь, закон и свобода в политической мысли первой половины XIV в. // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки.* № 4 (40). М., 2020. С. 40–50.

³⁹ *Кондратенко С. Е.* Политическая аргументация Бонифация VIII и Эгидия Римского о сущности власти // *Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения.* Т. 10. Вып. 2. СПб., 2017. С. 130–144.

⁴⁰ *Гаврюшин Н. К.* Непогрешимый богослов. Эгидий Римский и теологические споры в Западной Церкви (конец XIII – начало XIV вв.). М.: Драккар, 2006. 368 с.

Следует отметить, что, несмотря на значительные успехи в изучении рецепции аристотелевской «Политики», достигнутые зарубежными исследователями в последние годы, такие темы, как вопрос о формировании политической науки до второй половины XIII века, исследование предпосылок, сделавших необходимым появление полного перевода «Политики» и последующий приём, использование и влияние этого текста в рамках позднесредневековой политической философии, всё ещё нуждаются в исследовании.

Объектом настоящего диссертационного исследования стала политическая мысль, относящаяся к временному промежутку с середины XIII до первой половины XIV вв.

Предметом диссертационного исследования является рецепция аристотелевской «Политики» в политической теории позднего Средневековья.

Цель и задачи исследования. Целью данного диссертационного исследования является анализ рецепции аристотелевской «Политики» в политической мысли позднего Средневековья. Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Рассмотреть формирование понимания политики как науки от Ренессанса XII в. до второй половины XIII в.
2. Изучить предпосылки, приведших к появлению полного латинского перевода «Политики» Аристотеля.
3. Проанализировать использование «Политики» в обновленной политической теории, созданной мыслителями второй половины XIII в.
4. Исследовать влияние «Политики» на сочинения, появившиеся в результате борьбы между Филиппом IV и Бонифацием VIII.

5. Проанализировать рецепцию и интерпретацию политической философии Аристотеля в произведениях авторов первой половины XIV в.

Основные положения, выносимые на защиту

По итогам проведенного исследования на защиту выносятся следующие положения:

1. Перевод аристотелевской «Политики» на латинский язык не стал поворотным моментом в развитии средневековой политической теории.
2. Исследование рецепции «Политики» Аристотеля во второй половине XIII – первой половине XIV вв. не может быть ограничено исключительно изучением использования политического словаря Аристотеля средневековыми авторами для реализации собственных целей.
3. Средневековая рецепция «Политики» Аристотеля является сложным феноменом, выходящим за рамки односторонних интерпретаций. Она включает как чисто прагматическое использование аристотелевских цитат для усиления аргументации, так и подлинные попытки осмысления и принятия аристотелевской политической философии.
4. Отказ от концепции политического аристотелизма в зарубежной медиевистике неоправдан, т. к. он позволяет оценить соответствие средневековых теорий не только буквальному тексту «Политики» Аристотеля, но и её основным идеям.

Методологическая основа исследования. Для достижения заявленных целей и задач было выбрано несколько методов: компаративный анализ различных сочинений, дескриптивный метод, поскольку большинство источников практически не затрагивались предшествующими отечественными исследованиями, каузальный анализ, генетический метод.

Также в исследовании используется методология кембриджской школы интеллектуальной истории, которая хотя и не отличается единством, тем не менее предлагает богатый набор подходов к изучению текстов. Эта методология, впервые появившись в 1969 г. в статье К. Скиннера «Значение и понимание в истории идей»⁴¹, позволяет, с одной стороны, избежать ошибки истории идей в духе А. Лавджоя, утверждающей, что в трудах многочисленных философов присутствуют «вечные идеи»⁴², что приводит к антиисторичности исследования. С другой стороны, метод кембриджской школы вбирает в себя все лучшее, что есть в контекстуальном подходе, что позволяет рассматривать то или иное сочинение в связи как с исторической эпохой, так интеллектуальным контекстом.

Столь характерное для Кембриджской школы внимание к историческому и интеллектуальному контекстам имеет принципиальное значение для настоящего исследования, поскольку позволяет рассматривать, например, трактаты Якова Витербского, Эгидия Римского и Иоанна Парижского не независимо друг от друга, а как сочинения, объединенные темой конфликта Бонифация VIII и Филиппа IV. То же самое справедливо в отношении Энгельберта Адмонтского и Данте Алигьери, которые, несмотря на различие в социальном положении и роде занятий, независимо друг от друга занимались одним делом – обоснованием необходимости существования Священной Римской империи. Обращение к интеллектуальному контексту позволяет понять как существенное различие между текстами столь близких друг к другу авторов (например, таких как Яков Витербский и Эгидий Римский), так и в творчестве одного автора (например, Уильяма Оккама). Эти различия были обусловлены целевой аудиторией, что отражалось не столько на стиле, сколько на аргументации и использовании в ней аристотелевской «Политики».

---

⁴¹ *Скиннер К.* Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2018. С. 53–122.

⁴² *Лавджой А.* Великая цепь бытия: История идеи / пер. с англ. В. Софронова-Антони. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 9, 12.

Важным моментом в методологии, предложенной К. Скиннером, является то, что понимание текста должно начинаться с того, что автор хотел сказать⁴³. Это означает, что всякий текст является коммуникативным актом, содержащим в себе определенное намерение, которое он воплощает. Поэтому главной целью историка идей является реконструкция авторского намерения. Эта цель осуществляется посредством вычленение коммуникативных актов с учетом связи с лингвистическим контекстом высказываний. Однако контекст не детерминирует смысл высказывания, как это утверждает контекстуальный подход. Согласно Скиннеру, контекст – это исходная рамка, с помощью которой можно понять, какие значения можно было передать в рамках того или иного общества⁴⁴.

Если резюмировать все вышеизложенное, то подход К. Скиннера требует от исследователя признать, что история идей не представляет собой историю систем, чье развитие было уже predetermined заранее. Историк должен исходить из того, что тексты прошлого создавались в определенном языковом и социальном контексте и содержат в себе авторские намерения, поэтому применение более понятного и близкого исследователю понятийного аппарата ведет к ошибочным представлениям. Перед историком стоит задача понять авторское намерение, и для этого недостаточно знать значение выражения, необходимо определить его иллокутивную силу, т.е. то, что автор в действительности делал. Однако для этого одного текста оказывается недостаточно, поэтому необходимо обратиться к лингвистическому контексту сочинения, который поможет реконструировать авторское намерение.

Более поздняя версия методологии кембриджской школы претерпела значительные изменения. Уже в 70-е гг. Скиннер отказывается от одного из оснований своего метода – теории речевых актов Остина, позднее к этому же

---

⁴³ Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. С. 109.

⁴⁴ Там же. С. 110.

приходит и Покок⁴⁵. Следует отметить, что в целом влияние философии языка заметно ослабло, в то время как идеи Коллингвуда, наоборот, приобретают особое значение в более поздних методологических трудах Скиннера, где он пытался противостоять деконструкции Ж. Деррида⁴⁶. В то же время скептическое отношение к истории идей⁴⁷, делавшее невозможным взаимодействие с немецкой школой «Begriffsgeschichte», было преодолено, о чем свидетельствуют как ряд работ Скиннера и Данна⁴⁸, так и попытки объединить два направления⁴⁹.

Если мы вынесем за скобки позицию Покока, то подход Скиннера упростился и свелся к утверждению Коллингвуда о необходимости воссоздания авторской интенции, которая достигается не вживанием и сотворчеством, а пониманием действия, которое произвел автор посредством текста⁵⁰. Упрощение методологии было связано с тем, что ранние теоретические построения не выдержали проверку в условиях реальной исследовательской работы, что привело к значительной корректировке методологических положений. Для нашего исследования эти замечания имеют важное значение, поскольку, во-первых, подходы кембриджской школы доказали свою эффективность благодаря исследованиям К. Скиннера, Дж. Покока и Дж. Данна; а, во-вторых, заявленная методология этой школы кардинально отличается от реальной, которой в своей работе придерживаются вышеназванные авторы.

---

⁴⁵ Павлов А. В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос Т. 28. № 4. М., 2018. С. 271.

⁴⁶ Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Неприкосновенный запас. № 66. М., 2004. С. 55–66.

⁴⁷ См. Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. С. 92–94.

⁴⁸ См., например: Данн Дж. Революция // Концепт «революция» в современном политическом дискурсе / под ред. И. Савкина. М.; СПб.: Алетейя, 2008. С. 108–130. Скиннер К. The State // Понятие государства в четырех языках. СПб., 2002. С. 12–74.

⁴⁹ См.: Ван Гелдерен М. Между Кембрижем и Гейдельбергом: Понятия, языки и образы в интеллектуальной истории // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2018. С. 381–405.

⁵⁰ См.: Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Неприкосновенный запас. № 66. М., 2004. С. 55–66.

Ранее мы отмечали, что, следуя установке Кембриджской школы, включаем в исследование исторический и интеллектуальный контексты. Теперь перейдём ко второму заимствованному подходу: выявлению авторского намерения и его реализации в тексте. Применяя этот подход к трудам Фомы Аквинского, мы можем разрешить противоречие в вопросе о лучшей форме правления, поскольку известно, что намерения Аквината при написании «О королевской власти к королю Кипра» отличались от его целей при составлении «Суммы теологии». Концепция авторского намерения позволяет объяснить, почему в «О христианском правлении» Якова Витербского «Политика» Аристотеля занимает значительное место среди других источников, тогда как в сходном по тематике трактате «О власти церкви» Эгидия Римского «Политика» практически не упоминается.

Краткая характеристика источников. Исследование рецепции аристотелевской «Политики» предполагает обращение к широкому кругу источников, одно лишь перечисление которых потребовало бы много места, поэтому ниже мы дадим характеристику наиболее ценных текстов.

В случае Альберта Великого мы обратились к I, VII и IX томам полного собрания сочинений, издаваемых О. Боргнетом в 1890–1899 гг.⁵¹. Это издание по своему качеству уступает академическому кельнскому изданию, работа над которым ведётся институтом Альберта Великого с 1951 г. Тем не менее, издание О. Боргнета имеет ряд несомненных преимуществ: до настоящего момента оно является наиболее полным и доступным. Исследование рецепции «Политики» у Фомы Аквинского проводилось, главным образом, на материале «Суммы теологии» и «О королевской власти к королю Кипра» («*De regno ad regem Cypri*»). Для работы с этими текстами было использовано полное собрание сочинений Фомы Аквинского, академическое издание которого началось по распоряжению Папы Льва

---

⁵¹ *Albertus Magnus. Opera Omnia*, Vol. I, VII, IX / ed. A. Borgnet. Parisiis: Apud Ludovicum vives, Bibliopolam editorem, 1890, 1891.

XIII⁵². Также отметим обращение к существующим русским переводам трактата «О королевской власти к королю Кипра», выполненными Н. Б. Срединской и А. В. Мареем.⁵³ При работе с наследием Птолемея Луккского мы использовали английский перевод «О правлении князей», сделанный Дж. Блайтом⁵⁴; там, где возникали сложности, мы прибегали к итальянскому изданию оригинального текста, подготовленного Р. Бузой⁵⁵. Помимо «О правлении князей», исследование затронуло другой трактат Птолемея «Краткое определение юрисдикции империи» («*Determinatio compendiosa de iurisdictione imperii*»), академическое издание которого было осуществлено М. Краммером в рамках проекта *Monumenta Germaniae Historica* (далее *MGH*).⁵⁶

В третьей главе основными источниками стали сочинения Якова Витербского, Эгидия Римского и Иоанна Парижского. В первом разделе мы обратились к критическому изданию «О христианском правлении» Якова Витербского, подготовленному Р. Дайсоном и содержащему как латинский текст, так и английский перевод⁵⁷. Во втором разделе предметом анализа стали: небольшой текст «Об определении риторики, этики и политики» («*De differentia rhetoricae, ethicae et politicae*»), вышедший в 6-м томе *The New Scholasticism* благодаря усилиям Дж. Бруни⁵⁸; «О правлении князей», вышедший в 1607 г.⁵⁹, из-за ограниченной доступности академического

---

⁵² *Sancti Thomae Aquinatis. Summae Theologiae // Opera Omnia*, Т. V–XIII. Iussu Leonis XIII P. M. edita. Romae: Ex Typographia Polyglotta, 1889, 1891, 1892, 1895, 1897, 1899, 1903, 1906; *Sancti Thomae Aquinatis. De regno ad regem Cypri // Opera Omnia*, Т. XLII. Iussu Leonis XIII P. M. edita. Roma: Editori di San Tommaso, 1979. P. 421–472.

⁵³ *Фома Аквинский. О правлении государей / пер., вступ. ст. и прим. Н. Б. Срединской // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.) / под ред. В. И. Рутенбурга, И. П. Медведева. Л.: «Наука», 1990. С. 217–244; Фома Аквинский. О королевской власти к королю Кипра, или О правлении князей / пер. с лат. А. В. Мареев // Социологическое обозрение Т. 15. № 2. М., 2016. С. 96–128.*

⁵⁴ *Ptolemy of Lucca. On the Government of Rulers / De regimine principum; with portions attributed to Thomas Aquinas / trans. by J. M. Blythe. Philadelphia: Pennsylvania State University Press. 1997. 310 p.*

⁵⁵ *Ptolomaeus Lucensis. De regimine principum [De regno] // ed. by R. Busa. Turin: Marietti, 1954. Режим доступа: <http://www.corpusthomicum.org/xrp.html> (дата обращения: 9. 10. 2024).*

⁵⁶ *Tholomeo Lucensi. Determinatio compendiosa de iurisdictione imperii / ed. M. Krammer. Hannoverae, Lipsiae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1909. 84 p.*

⁵⁷ *James of Viterbo. De regimine Christiano: a critical edition and translation / ed. by R.W. Dyson. Leiden: Brill, 2009. 333 p.*

⁵⁸ *Bruni G. The De differentia rhetoricae, ethicae et politicae of Aegidius Romanus // The New Scholasticism, Vol. 6. Washington, D.C., 1932. P. 1–18.*

⁵⁹ *Aedidii Columnae Romani. De regimine principum. Romae: Apud Bartolomeum Zannettum, 1607. 623 p.*

издания полного собрания сочинений Эгидия Римского; а также «О церковной власти», критическое издание, подготовленное Р. Дайсоном и содержащее латинский оригинал и английский перевод⁶⁰. В третьем разделе мы обращались ко второму из существующих английских переводов трактата «О королевской и папской власти», выполненному А. Монаханом⁶¹, а также латинскому оригиналу⁶². Перевод А. Монахана удостоился высокой оценки, как и проделанная им работа над научным аппаратом издания⁶³.

В четвёртой главе были использованы основные политические труды Энгельберта Адмонтского, Данте Алигьери, Марсилия Падуанского и Уильяма Оккама. В первом разделе мы использовали критическое издание трактатов «О возникновении и конце Римской империи» (*De ortu et fine Romani imperii*) и «Зерцало добродетелей» (*Speculum virtutum*), подготовленные в рамках программы MGH Х. Шнайдером, К. Ублем и другими⁶⁴. Во втором разделе мы обратились к русским переводам «Монархии» и «Пира»⁶⁵, а также к латинскому оригиналу «Монархии»⁶⁶, поскольку существующий русский перевод был выполнен с итальянского. В третьем разделе, посвящённом Марсилию Падуанскому, было использовано критическое издание «Защитника мира», подготовленное Р. Шольцем в рамках проекта MGH⁶⁷. Обращение к русскому переводу «Защитника мира»⁶⁸

---

⁶⁰ *Giles of Rome. On Ecclesiastical Power. A Medieval Theory of World Government / A critical edition and translation by R. W. Dyson. New York: Columbia University Press, 2004. 406 p.*

⁶¹ *John of Paris. On Royal and Papal Power // trans. by A. P. Monahan. New York: Columbia University Press, 1974. 197 p.*

⁶² *Johannes Quidort von Paris. Über königliche und päpstliche Gewalt (De regia potestate et papali) / Textkritische Ed. mit deutscher Übersetzung von F. Bleienstein. Stuttgart: E. Klett 1969. 360 S.*

⁶³ См.: *Macdonald H. M. Book reviews: On Royal and Papal Power. By John of Paris. Translated and edited by Arthur P. Monahan // Journal of Church and State Vol. 18, № 3. Oxford, 1976. P. 550–552.*

⁶⁴ *Engelbert von Admont. Speculum virtutum // Die Schriften des Alexander von Roes und des Engelbert von Admont. Tl. 2. / Hrsg. von K. Ubl. Hannover: Hahnische Buchhandlung, 2004. 522 S.; Engelbert von Admont. De ortu et fine Romani imperii // Die Schriften des Alexander von Roes und des Engelbert von Admont. Tl. 3. / Hrsg. von H. Schneider aufgrund der Vorarbeiten von G. B. Fowler und H. Zinsmeyer. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2015. 262 S.*

⁶⁵ *Данте Алигьери. Пир // Малые произведения / изд. подгот. И. Н. Голенищев-Кутузов. М.: «Наука», 1968. 651 с.; Данте Алигьери. Монархия / пер. с итал. В. П. Зубова. М.: «КАНОН-пресс-Ц» — «Кучково поле», 1999. 192 с.*

⁶⁶ *Dante Alighieri. Monarchia. Studienausgabe. Lateinisch/Deutsch / hrsg. von R. Imbach, Chr. Flüeler. Stuttgart: Reclam, 1989. 371 S.*

⁶⁷ *Marsilius von Padua. Defensor pacis / hrsg. von R. Scholz. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1933. 637 S.*

было ограниченным, поскольку он был осуществлён с французского, а не латинского оригинала. Также в этом разделе был использован русский перевод небольшого трактата Марсилия «Перенос империи», выполненный О. С. Воскобойниковым⁶⁹. В заключительном разделе были использованы IV, VIII и IX тома академического собрания политических сочинений У. Оккама, подготовленные Х. Офллером, Дж. Баллвегом, Дж. Килкулленом, В. Леппином, Дж. Скоттом, С. Хайненом и К. Ублем⁷⁰.

Научная новизна исследования. Научная новизна этого исследования определяется несколькими элементами. Во-первых, впервые в отечественной науке проведено комплексное исследование рецепции аристотелевской «Политики» в рамках политической мысли второй половины XIII – первой половины XIV века. Во-вторых, в отличие от большинства как зарубежных, так и отечественных работ, затрагивающих эту тему, исследование привлекает широкий круг источников. В-третьих, исследование рецепции «Политики» Аристотеля одновременно позволило взглянуть на развитие средневековой политической мысли под новым углом. В-четвертых, в научный оборот введены тексты Энгельберта Адмонтского, которые не достаивались отдельных исследований в рамках отечественной науки.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты, которые были получены в настоящей работе, дополняют и уточняют уже существующие исследования рецепции аристотелевского наследия в рамках западной мысли. Реконструкция рецепции и влияния «Политики» Аристотеля в интеллектуальном контексте позднего Средневековья способствует конкретизации понимания развития западной политической мысли. Результаты и материалы настоящего исследования могут быть использованы в учебных курсах по политической философии,

---

⁶⁸ *Марсилий Падуанский*. Защитник мира. Defensor pacis / пер. с франц. Б. У. Есенова; науч. ред., вступит. ст., примеч. Г. П. Лупарева. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2014. 656 с.

⁶⁹ *Марсилий Падуанский*. Перенос империи / пер. и прим. О. Воскобойникова // *Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время* / сост. и отв. ред. О. С. Воскобойников, О. И. Тогоева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 423–442.

⁷⁰ *William of Ockham*. Opera politica IV, VIII, IX. Oxford: Oxford University Press, 1997, 2011, 2019.

античной философии, средневековой философии, а также могут быть использованы для построения специальных курсов, имеющих сходную тематику.

Структура диссертации. Структура и объем диссертационного исследования были заданы поставленными целями и задачами. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы, включающего в себя источники и исследовательские работы по теме. Первая глава посвящена исследованию двух тесно связанных друг с другом тем: передаче античного наследия Средневековью и формированию концепции политики до появления одноименного аристотелевского текста. Во второй главе рассматривается первая волна рецепции «Политики». В третьей главе исследуется влияние этого сочинения на полемику между сторонниками духовной и светской власти во время конфликта Филиппа IV с Бонифацием VIII. В четвертой главе изучается дальнейший прием и влияние «Политики» в сочинениях первой половины XIV века, а также обсуждается место этого текста в политической теории исследуемого периода. Общий объем работы составляет 258 страниц. Список использованных источников и литературы насчитывает 283 наименования.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достигнутая в диссертационном исследовании степень достоверности результатов определяется, во-первых, опорой на широкий круг источников и исследовательской литературы по теме диссертации, который включает в себя как отечественные, так и зарубежные работы, во-вторых, методологией исследования, предполагающей всесторонний анализ источников и предмета исследования.

Диссертация была обсуждена на кафедре истории зарубежной философии философского факультета Российского государственного гуманитарного университета, по результатам которого получила положительное заключение.

Основные положения и выводы исследования были изложены в 4-х научных работах, в том числе в 4-х статьях, опубликованных в периодических изданиях, входящих в список ВАК, а также 3-х иных публикациях из базы РИНЦ.

Результаты исследования прошли апробацию в рамках Всероссийской научной конференции «Алёшинские чтения 2024»: «Этическое, эстетическое, визуальное: пути осмысления ценностей» (РГГУ, 12–14 декабря 2024, доклад: «Этика versus политика. Изменение понимания политики во второй половине XIII века»).

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** к настоящей работе раскрывается актуальность темы диссертационного исследования и степень ее разработанности, определяются объект и предмет исследования, указываются методологические основания работы, формулируются цели и задачи исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту, описывается новизна исследования, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе **«Повторное открытие политики в XII веке»** исследовалось появления политики как науки в период Ренессанса XII века. Это тема тесно связана с интенсивным освоением западной мыслью античного наследия, поэтому первая глава была разделена на две тематические части: в первой рассматривался сложный путь перехода греческой науки в Западную Европу, а во второй анализировалось складывающееся понимание политики и ее места в системе научного знания.

В разделе 1.1. **«Возрождение науки»** исследуется проблематика возрождения греческой науки в Западной Европе. Было показано, что греческая философия и наука были лишь частично переведены в период господства Римской империи, продолжаясь развиваться в рамках грекоязычной культуры восточных провинций. Последнюю попытку перевода научного наследия греков перед наступлением «Темных веков» предпринял Боэций. Его труды, охватывающие тривиум и квадравиум, наряду с работами Марциана Капеллы, Кассиодора и Исидора Севильского, обеспечили Средневековью пусть и ограниченную, но целостную научную систему аристотелевского происхождения. Эта система постепенно укоренилась и воспроизводилась. Далее мы акцентировали внимание на переводах арабских текстов, сыгравших важную роль в создание системы научного знания. Латинские переводчики XII века неоднократно подчёркивали бедность собственных наук. Это привело к идеям реформирования научной системы, опирающимся на латинских и арабских авторов, и появлению трактатов,

предлагавших обновлённую, но всё ещё аристотелевскую классификацию наук с их описанием и списком литературы.

В разделе 1.2. **«Появление термина “политика” во время Ренессанса XII века»** исследуется понимание и место политики в обновлённой системе наук. Анализ сочинений XII–XIII веков, преимущественно дидактического характера, показал, что эти тексты представляют исключительную ценность для понимания процесса «переоткрытия» политики в средневековой Европе. Авторы этих трудов делили философию на две или три части, при этом теоретические науки занимали значительный объем, что объяснялось не столько их значимостью, сколько количеством доступных источников. Практические дисциплины, лишённые такой основы, получили лишь краткие описания. Несмотря на это, именно эти сочинения вернули политику в западноевропейскую науку. Исследование текстов показывает, что политика понималась как наука, занимающаяся вопросами управления городом, общего блага, социальных взаимодействий, законов и указов, человеческих поступков. Этот набор проблем, ставший привычным для авторов XIII–XIV веков, заложил основу политической науки задолго до перевода «Политики» Аристотеля. Авторы XII–XIII веков создали дисциплину, способную к развитию в университетской среде, но лишённую систематического изложения, которое обеспечила лишь «Политика» Аристотеля. Это объясняет стремительную интеграцию аристотелевского трактата в интеллектуальное пространство позднего Средневековья.

Вторая глава **«Рецепция “Политики” Аристотеля во второй половине XIII века»** посвящена исследованию первой волны влияния «Политики» на развитие политической мысли второй половины XIII века на примере таких авторов, как Альберт Великий, Фома Аквинский и Птолемей Луккский.

В разделе 2.1. **«Вильгельм из Мербеке и его перевод “Политики”»** была рассмотрена переводческая деятельность Вильгельма из Мербеке. Было

установлено, что его работа над корпусом аристотелевских сочинений отличалась внимательным отношением к оригинальному тексту и принципом дословного перевода, что приводило к усложнению текста и необходимости комментирования. Перевод «Политики» не был исключением из этого списка и, вдобавок, содержал некоторые ошибки, однако в целом труд Вильгельма достоин высокой оценки. Таким образом, благодаря стараниям фламандского доминиканца схоластика получила один из важнейших аристотелевских текстов, нужда в котором не раз подчеркивалась в научной среде.

В разделе 2.2. **«Альберт Великий: прояснение понимания политики и ее места среди практических наук»** бы рассмотрен комментарий к «Политике» Альберта Великого. Работа Альберта по комментированию важна не столько из-за своего содержания, сколько из-за того, что она показывает специфику этого жанра. Альберт действовал в рамках установленной традиции, что означало ясную передачу смысла без вольной или необоснованной интерпретации исходного текста. Вместе с этим подчеркнем, что на комментаторскую работу накладывались социокультурные представления автора. Поэтому Альберту как выходцу из знатной немецкой семьи суждения Аристотеля о гражданах и их правах казались нуждающимися в ограничении, также, например, как доктрина естественного рабства вызывала осуждение у Гвидо из Римини. Тем не менее, при всех оговорках комментарий доказывает, что тезис об исключительно утилитарном отношении средневековых авторов к «Политике» является преувеличением. Второй важный момент, связанный с Альбертом касается дополнения, которое он привносит в разделение практических наук благодаря «Политике». Речь идет о том, что политика теперь основывается на человеческой природе и эмансипируется от этики, экономики и права.

В разделе 2.3. **«Фома Аквинский: первое появление “Политики” в княжеском зеркале»** рассматривается место «Политики» в политической философии Ангельского доктора. Анализ «Суммы теологии» и «О

королевской власти к королю Кипра» показывает, что несмотря на наличие полного перевода Аквинат чаще всего ссылается на I – III книги, заимствуя оттуда, в частности, рассуждения о развитии общества и появлении государства, концепцию человека как политического и социального животного, а также аристотелевскую схему форм правлений. Исследование также показало, во-первых, что общий замысел II книги «О королевской власти к королю Кипра», где представлены рассуждения об условиях, необходимых для создания королевства, был вдохновлен VII книгой «Политики» и, во-вторых, влияние Аристотеля на Аквината в вопросе смешанной конституции. Вместе с этим анализ демонстрирует ограниченный характер принятия и использования политической мысли Стагирита.

В разделе 2.4. «Птолемей Луккский: между Августином и Аристотелем», посвященном рецепции «Политики» в трудах ученика Фомы Аквинского, исследование показало, что влияние политической теории Аристотеля заметно в следующих темах: определение гражданина, понимание феномена города, концепции развития общества и человека как политического животного, а также идеи зависимости политического развития народа от климатических условий. Таким образом, как и в случае Фомы Аквинского, влияние «Политики» было ограниченным определенным набором тем. Исследование также продемонстрировало, что в рамках конструирования политической теории среди аристотелевских текстов «Политика» не занимала исключительно доминирующее место, поскольку наряду с ней часто использовались «Никомахова этика», «Метафизика», «Физика» и «О душе». Анализ «О правлении князей» Птолемея Луккского показал, что несмотря на частое цитирование «Политики» и использование концептуального словаря Аристотеля, роль традиционных для средневековой политической мысли источников так же высока – например, в вопросе о происхождении власти Птолемей придерживался августиновских взглядов.

Таким образом, реальное влияние «Политики» в случае Фомы Аквинского и Птолея Луккского было ограничено указанными выше темами. Оба автора были внимательны к оригиналу, однако сохраняли достаточную степень независимости, беря у Аристотеля как то, что было им необходимо для доказательства своей позиции, т.е. действовали вполне утилитарно, так и принимали некоторые аристотелевские идеи, ставшие неотъемлемой частью их собственных учений. Поскольку Аристотель ни в одном случае не был единственным источником, то справедливо утверждать, что сочинения Фомы и Птолея демонстрируют пример эклектизма, где аристотелизм тесно переплетается с политическим августицизмом и учением церкви.

Третья глава **«Рецепция “Политики” Аристотеля в контексте спора между светской и духовной властью в конце XIII – начале XIV века»** посвящена исследованию места «Политики» в сочинениях, создавших теоретическую основу для властных претензий Бонифация VIII и Филиппа IV.

В разделе 3.1. **«Яков Витербский: “Политика” на страже папского абсолютизма»** исследуется влияние «Политики» в трактате «О христианском правлении». Анализ этой работы показывает, что включение «Политики» Яковом Витербским в проблематику классического для Средневековья спора двух властей привел к выстраиванию теории, где власть понтифика, хотя и получала первенство, однако не была абсолютной. Работа Якова представляет собой попытку нейтрального рассмотрения традиционной проблемы и была направлена на университетскую аудиторию, что требовало использовать секулярные источники, например, «Политику». Включив ее в свою аргументацию, Яков не избежал политического аристотелизма, который в его случае заметен в натуралистическом подходе к рассмотрению происхождения общества и его развитию, а также анализе секулярной власти.

В разделе 3.2. **«От союза до забвения: “Политика” в политической философии Эгидия Римского»** было проведено исследование рецепции «Политики» в творчестве Эгидия Римского. В качестве анализируемых текстов были выбраны «О различии между этикой, политикой и риторикой» («De differentia Ethicae, Politicae et Rethoricae»), «О правлении князей» («De regimine principum»), «О власти церкви» («De ecclesiastica potestate»). Исследование показало, что Эгидий относительно поздно ознакомился с «Политикой». Впервые широко он использует этот текст при написании «О правлении князей». Анализ продемонстрировал, что стратегия апелляции Эгидия к «Политике» во многом сходна с тем, что можно было увидеть у его современников, т.е. некоторые аристотелевские идеи, например, утверждение о естественной склонности человека к жизни в социуме или классификация форм правлений, берутся в готовом виде, другие же переосмысляются и изменяются, чтобы послужить аргументами для подкрепления авторской позиции, как, например, рассуждения Аристотеля о монархии, отталкиваясь от которых Эгидий приходит к выводам, противоречащим аристотелевской интенции. В «О власти церкви» Эгидий ориентируется главным образом на Библию, Августина, каноническое право и Псевдо-Дионисия Ареопагита, преследуя цель обосновать папский абсолютизм, не касаясь внутреннего устройства политической власти на определенной территории, а светская власть в ходе аргументации растворяется во власти папы. В этом трактате имеется всего лишь несколько ссылок на «Политику», не играющих никакой роли для содержания. При этом исследование показывает, что для аргументации, изложенной в «О власти церкви», другие сочинения Аристотеля играют большую роль. Таким образом, это демонстрирует, что для Эгидия была очевидна несовместимость политической теории Стагирита с попытками доказать абсолютную власть Римского Папы.

В разделе 3.3. **«Иоанн Парижский: “Политика” как источник обоснования независимости светской власти»** было рассмотрено

использование «Политики» в рамках трактата «О королевской и папской власти». Исследование показывает, что Иоанн Парижский, будучи противником вмешательства папства в дела светских правителей и концепции папского абсолютизма, активно использовал «Политику» в своей аргументации. Влияние Аристотеля прослеживается в размышлениях о развитии общества и государства, определении монархии, понимании человека как политического животного, а также в проблематике, связанной с формами государства. Анализ демонстрирует, что Иоанн Парижский пользуется примерно теми же фрагментами, что и его оппоненты и предшественники, однако делает отличные от них выводы. В его случае «Политика» стала мощным инструментом против папского абсолютизма, предоставив концепт смешанной конституции, однако в его трактате политический аристотелизм занимает примерно такое же место, как у Якова Витербского, несмотря на все обилие ссылок. Таким образом, сопоставив трактат Иоанна «О королевской и папской власти» с «Политикой» Аристотеля, можно обнаружить, что взгляды авторов пересекаются лишь в натуралистическом взгляде на власть и общество и использовании примерно одного концептуально словаря.

Четвертая глава **«Рецепция “Политики” Аристотеля в трудах политических мыслителей первой половины XIV века»** посвящена дальнейшему исследованию проникновения политической теории Аристотеля в позднесредневековую схоластику.

В разделе 4.1. **«Энгельберт Адмонтский: апология империи и “Политика”»** анализируются трактаты «Зерцало добродетелей» и «О возникновении и конце Римской империи». Работы Энгельберта Адмонтского ясно показывают ограниченность влияния «Политики». Его «Зерцало добродетелей» невозможно представить без «Никомаховой этики», тогда как многочисленные цитаты из «Политики» играют роль лишь дополнительных аргументов. В трактате «О возникновении и упадке Римской империи»

значение «Политики» усиливается несмотря на то, что вновь аристотелевский текст, ограниченный рамками полисной системы, применяется к абсолютно чуждой теме универсальной христианской империи. Тем не менее Энгельберт успешно адаптирует текст «Политики» для своих целей, заимствуя у Аристотеля, в частности, идею о естественном делении на властвующих и подчиненных, размышления о формах общества и разделение типов правления на царское и политическое. Исследование демонстрирует, что при всей важности «Политики» Аристотеля Энгельберт не воспринимал этот текст как единственный возможный источник своей мысли. В ключевых пунктах «О возникновении и упадке Римской империи» он часто обращается к «О граде Божьем» Августина и римской историографии, делая историческую аргументацию одним из основных способов рассуждения о политике, а также наследию Цицерона, которое особенно заметно в размышлениях Энгельберта над проблемой происхождения государства.

В разделе 4.2. **«Данте Алигьери: усвоение политического аристотелизма через вторичные источники»** анализируется восприятие «Политики» флорентийским поэтом в его «Монархии». Исследование показало, что представления об аристотелевской «Политике» флорентийский поэт почерпнул из вторичных источников, главным образом из «О правлении князей» Эгидия Римского и комментария Фомы Аквинского и Петра Овернского. Однако это не исключает возможность короткого знакомства с аристотелевским текстом во Флоренции. Несмотря на все обстоятельства Данте достаточно часто ссылается на «Политику» в «Монархии», однако, как и в случае с «О возникновении и упадке Римской империи» Энгельберта, политическая теория Аристотеля применяется для чуждой ей проблематики. Анализ показывает, что принятие Данте принципов политической философии Стагирита было ограниченным и выводы, к которым он приходит, стоят далеко от «Политики».

Тем не менее пример Данте показывает, что большая часть таких аристотелевских идей, как разделение людей по природе на властвующих и подчиненных, схема развития объединений людей: семья – деревня – город, классификация форм правлений, господство общего блага над частным, существование людей только в рамках социума, речи как способности, дарованной природой, чтобы выражать, что полезно или вредно, справедливо или несправедливо, и т.п., стали общим достоянием политической мысли позднего Средневековья благодаря как сочинениям Фомы Аквинского и Эгидия Римского, так и широко распространившейся практики комментария «Политики».

В разделе 4.3. **«Марсилий Падуанский – верный последователь Аристотеля или независимый мыслитель?»** исследовано влияние «Политики» на формирование политической теории в первой части «Защитника мира». Анализ «Защитника мира» показал, что в этой работе Марсилий Падуанский высказывает ряд положений, часть из которых действительно можно назвать современными: во-первых, последовательная концепция народного суверенитета; во-вторых, утверждение необходимости согласия граждан в качестве критерия легитимности правителя; в-третьих, тезис, что церковь не имеет власти над обществом, поскольку им же устанавливается и является его частью, поэтому цель религии утилитарна – служение на пользу народа и поддержание мира посредством своего учения. Оставшаяся часть вполне вписывается в уже существующую на тот момент политическую теорию. Наше исследование доказывает, что Марсилий, несмотря на явный пиетет к Философу, подходит к аристотелевскому тексту как независимый мыслитель, используя «Политику» как источник для собственной аргументации. Практически ни один тезис Марсилия нельзя свести к «Политике», несмотря на обилие ссылок. Например, тема происхождения города показывает, что падуанец, принимая идею Аристотеля о естественном генезисе общества, объясняет желание людей к объединению

в духе Цицерона. Или рассмотрение Марсилием форм правлений демонстрирует, как к аристотелевской теории прибавляется новое положение. Все это сочетается с точным следованием за «Политикой» в некоторых вопросах, например, определении гражданина или размышлении о зависимости форм правлений среди народов от их исторического развития и географического положения.

Таким образом, результаты демонстрируют, что не следует переоценивать влияние «Политики» в «Защитнике мира», поскольку, это не имеет достаточных оснований и зачастую закрывает от нас намерение автора. С другой стороны, нельзя принять и противоположную позицию, утверждающую, что многие ссылки на «Политику» мнимы. Появление в такой форме столь нетривиальной и разработанной политической теории в начале XIV в. было бы невозможно без аристотелевской «Политики», давшей необходимый набор концептов и разработанную терминологию.

В разделе 4.4. **«Уильям Оккам: беспристрастный диалог с «Политикой»»** исследовалось использование «Политики» Оккамом на примере трактатов «Короткое рассуждение о тираническом правлении» («*Breviloquium de principatu tyrannico*»), «О власти императоров и понтификов» («*De imperatorum et pontificum potestate*») и «Диалог» («*Dialogus*»).

Анализ показывает, что для Оккама, как и для предшествующих авторов «Политика» важна в первую очередь как источник ментальных координат, в рамках которых можно мыслить политические структуры любого сообщества. Тем не менее утверждать, что Аристотель определил содержание политических трудов Оккама, было бы большим заблуждением. Исследование показало, что использование «Политики» коррелирует со стилем и замыслом Оккама. В трактатах «Короткое рассуждение о тираническом правлении», «О власти императоров и понтификов» он демонстрирует тактику, которую можно было видеть у многих авторов, т.е.

использование цитат из «Политики» для аргументации своей позиции, несмотря на то, что, во-первых, взятая в своем контексте, цитата не будет соответствовать авторскому намерению, а во-вторых, имеется вольная интерпретация слов Аристотеля, которая далека от того, что говорится в «Политике». В «Диалоге» ситуация несколько иная, поскольку этот текст стилистически напоминает сумму, для которой характерно приведение одного и того же источника как в пользу какого-либо положения, так и против него. Похожую картину можно увидеть в «Сумме теологии», где «Политика» одновременно фигурировала в аргументах и контраргументах. Тем не менее отметим, что постановка вопроса о лучшей форме правления и метод Оккама зависят от «Политики». Францисканец заимствует большую часть аргументов из III книги, но главное, что он почерпнул у Аристотеля – это структура рассуждений. Несмотря на поставленный вопрос, Оккам, как и Аристотель, испытывает посредством различных доводов монархию и аристократию. В 30-й главе он высказался в пользу монархии, но с оговоркой в духе Аристотеля, что это справедливо, пока полезно для сообщества, а если ситуация изменится, то людям следует установить аристократию, т.е. та или иная правильная форма правления будет лучшей, исходя из обстоятельств и времени.

В **Заключении** диссертации формулируются основные положения и финальные выводы. Диссертационное исследование показало многогранность рецепции аристотелевской «Политики», которая не позволяет поместить ее в рамки подходов, фокусирующихся лишь на каком-либо одном аспекте. Взаимодействие средневековых авторов с «Политикой» было разным. Исследованный материал дал много примеров, когда частое цитирование не имело особого значения, а «Политика» служила лишь поставщиком аргументов. Имелись работы, в которых ссылки были, напротив, эпизодическими, однако влияние политической теории Аристотеля довольно значительно. Это подтверждает мысль, что в случае «Политики»

количество цитат не может говорить что-либо о степени влияния этого текста. Средневековые авторы знали и строгий подход к изучению аристотелевской «Политики», что демонстрирует комментарий Альберта Великого и «Диалог» Оккама. Исследование также показало, что политический аристотелизм имеет основания для использования в исследовательских работах. Несмотря на то, что эта работа доказывает более ограниченный характер влияния «Политики», чем это было принято ранее, тем не менее целый ряд авторов принимали некоторые аристотелевские концепты вместе с их следствиями, что отражалось их собственных сочинениях.

Это исследование стремится обратить внимание, что реальное значение «Политики» состояло не в том, что заложенная в ней политическая теория могла привести к идеям о народном суверенитете, развитию республиканизма, критике монархии или то, что она предопределила вектор развития западной политической теории. Это значение скрывается в двух аспектах: первый заключается в аристотелевском категориальном аппарате, который позволил вывести политический дискурс позднего Средневековья на более высокий уровень, а второй в том, что схоласты получили в свои руки мощную альтернативу политической теории Августина, построенной на рациональной основе, без апелляции к трансцендентной сфере.

III. СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные положения и выводы диссертации отражены в научных публикациях автора из перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук (Перечень ВАК):

Жулев В. В. Между Аристотелем и Цицероном: проблематика генезиса общества во второй половине XIII – начале XIV века // Вестник Гуманитарного университета. 2025. Т. 13. № 2. С. 125–131. DOI 10.35853/vestnik.gu.2025.13-2.11. 0.5 п.л.

Жулев В. В. К вопросу о возрождении политики в средневековой Европе // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2024. № 4 (52). С. 105–117. DOI 10.24412/2078-9238-2024-452-105-117. Ок. 1 п.л.

Жулев В. В. Десакрализация императорской власти в политической философии У. Оккама. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2023. № 3 (49). С. 38–44. Elibrary ID 54611567. Ок. 1 п.л.

Жулев В. В. Проблема лучшей формы правления в трудах Фомы Аквинского // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2023. № 1 (45). С. 72–84. DOI 10.22405/2304-4772-2023-1-72-83. Ок. 1 п.л.

Публикации в иных научных изданиях

Жулев В. В. Фигура монарха в политической философии Данте Алигьери // Vox. Философский журнал. 2022. Т. 18. № 36. С. 172–189. DOI 10.37769/2077-6608-2022-36-10. 1 п.л.

Жулев В. В. Свобода, равенство и братство средневековых крестьян // Vox. Философский журнал. 2022. Т. 18. № 37. С. 63–73. DOI 10.37769/2077-6608-2022-37-7. Ок. 1 п.л.

Жулев В. В. Понятие auctoritas в средневековье // Vox. Философский журнал. 2018. № 25. С. 314–336. DOI 10.24411/2077-6608-2017-00075. 1 п.л.